

У Николая Петровича умерла жена...

Николай Петрович позвонил в скорую и в милицию, а потом, не зная, что делать, пошел на кухню и сел у окна...

Улицы были по-утреннему серые, весенние, шел снежок.

Жену увезли в морг...

К обеду пришла дочь с мужем, плакала, обнимала Николая Петровича и снова плакала. Муж взглядом спросил: можно ли выпить водки? Николай Петрович кивнул. Дочь неодобрительно промолчала, сварила суп, забрала мужа и ушла, сказала — на работу...

Суп девать было некуда, и Николай Петрович поставил его на подоконник и снова сел у окна...

В неглубоких лужах, вместе с яркими солнечными зайчиками, оживленно купались воробьи. Проходили люди, балансируя на бордюрах, чтобы не замочить ног...

Зазвонил телефон.

— Папа, ты только не сиди. Сидеть без дела нельзя. Делай что-нибудь. Надо что-то делать, — наставляла дочь. — Разбери хлам какой-нибудь...

Николай Петрович ещё немного понаблюдав, как мальчишки скатывают с горки коляску без одного колеса, и пошел разбирать хлам.

Хлама в комнате не было, разве что на подоконниках громоздились горшки, вазы и баночки с цветами, которые любила разводить жена. И которые теперь, пожалуй, некому будет поливать так как надо...

Николай Петрович взял стремянку и полез на антресоли. Там обнаружилось детское пальтишко дочери в клеточку, её же рукавички и выцветшая книжица с засохшим цветочком внутри. Николай Петрович бережно сложил всё это на диван.

В самой глубине антресолей нашелся пыльный мольберт, вслед за которым на пол свалился черный тубус. В тубусе оказались наброски зданий, строений, выписанные со старательностью новичка портреты и рисунки по анатомии человеческого тела. До свадьбы Николай Петрович, тогда еще Коля, собирался поступать на архитектурный факультет...

Николай Петрович аккуратно протер мольберт от пыли и поставил к шкафу. Нашел еще две папки с рисунками и разложил их на кухонном столе. Вот старая набережная, которой уже нет. Он помнит, что долго тогда не мог подобрать нужный цвет заката над ней. Вот здание библиотеки с потрескавшимися колоннами. Вот синяя река и огромное, тоже синее, небо над ней. Вот портрет одноклассницы, которая потом уехала в Москву. Вот портрет отца, а вот — матери...

Когда дочь с мужем, открыв дверь своим ключом, снова пришли навестить Николая Петровича, он плакал, сидя на кухне у залитого вечерним солнцем стола.

— Видишь, как папа маму любил. Не то что ты, — тихо, чтобы не слышал Николай Петрович, сказала дочь мужу. — Ну, что стоишь, как столб?

Муж громко прочистил горло, давая понять, что Николай Петрович в квартире не один.

— Мы вам тут котенка принесли, да. Чтобы, так сказать, не скучно было, чтобы не всё одному, так сказать, — сообщил зять, вынимая из-за пазухи пушистого котёнка.

— Папа, мы за детьми, а позже я забегу, если получится, — добавила дочь, не покидая прихожей. — Ешь суп. А кошаку дай старую колбасу, съест навверное.

Дочь с мужем ушли, оставив у двери полосатого котенка.

Николай Петрович встал, собрал рисунки, оделся, сходил в магазин, купил лоток и кошачий корм, который получше. Потом снова достал рисунки, внимательно просмотрел некоторые из них. Отложил в сторону и на свободном месте в кухне поставил мольберт...

Котенок ловил лапками пылинки в лучах света, затем кувыркнулся на спину и чихнул.

— Будем жить? — глядя на это живое существо, спросил Николай Петрович. Укрепил на мольберте лист бумаги и взял карандаш...